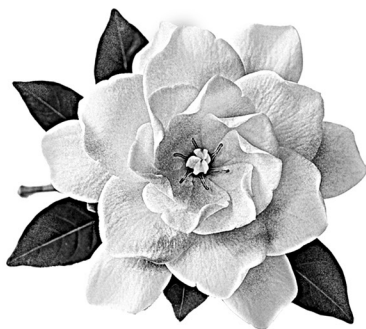

Наталья
АЛЕКСАНДРОВА

Цветок смерти

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Цветок смерти : [роман] / Наталья Александрова. —
Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253947-3

Капитан Лебедин и его энергичная напарница Дуся берутся за новое дело. Прямо в оранжерее убит директор ботанического сада, а редкий цветок смерти исчез. По горячим следам сыщики выходят на загадочную спутницу погибшего, но вскоре и саму незнакомку находят мертвой. Главная подозреваемая унесла свою тайну в могилу.

Ситуация запутывается еще сильнее, когда выясняется, что в городе орудует хитрый преступник, превращающий места убийств в жуткие инсталляции. К тому же бесследно пропадает важная свидетельница. Расследование грозит зайти в тупик, но для предприимчивой Дуси и решительно-го капитана нет ничего невозможного!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253947-3

© Александрова Н.Н., 2027
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027

— Мальчик, не трогай эти ягоды, они очень горькие! — Валентина Павловна по своему многолетнему опыту знала, что в каждой группе найдется хотя бы один ребенок, который попытается сорвать и съесть плод путерии прямолистой. Эти плоды очень похожи на крупные вишни, чем и вводят детей в заблуждение.

Мальчик лет восьми недоверчиво покосился на экскурсовода, неохотно отошел от куста путерии, мать взяла его за руку и что-то вполголоса выговорила.

Валентина Павловна протерла очки, запотевшие в жарком и влажном воздухе оранжереи, и продолжила экскурсию:

— А сейчас вы видите перед собой одно из редчайших растений, представленных в нашей коллекции. — Она показала на невзрачный кустик с мелкими серо-зелеными листьями. — Это амарильда морталис, кустарник, произрастающий в глубине горных лесов Тропической Гвианы. Этот кустар-

ник известен тем, что расцветает всего один раз в течение своего биологического цикла, и сразу же после того, как цветок раскроется, в нем появляются семена, содержащие очень сильный нервно-паралитический яд. Этим ядом индейцы отравляли свои стрелы.

— Индейцы? — подал голос предприимчивый мальчик. — Разве индейцы живут в Африке?

— Почему в Африке? — растерялась Валентина Павловна.

— Так вы же сказали, что этот кустик растет в Гвинее.

— Не в Гвинее, а в Гвиане! А Тропическая Гвиана расположена в Южной Америке.

Мальчик недоверчиво замолчал, Валентина Павловна откашлялась и продолжила:

— Кстати, наше растение должно расцвести очень скоро, буквально в ближайшие дни...

— Безобразие! — подавала голос мать предприимчивого мальчика.

— Что именно вы имеете в виду? — удивленно спросила ее Валентина Павловна.

— Безобразие, что вы держите на виду такое опасное растение! Здесь кто угодно может отравиться этими семенами! — При этом она покосилась на своего отпрыска и крепче сжала его руку.

Глаза самого мальчика загорелись.

— Не беспокойтесь, амарильда морталис расцветает только ночью, так что вашему сыну ничто не угрожает!

— Кто говорит о моем сыне? — фыркнула женщина.

В это время к группе торопливо подошла молодая сотрудница Ботанического сада, Вика Корюшкина, округлила бледно-голубые глаза и громким взволнованным шепотом сообщила Валентине Павловне:

— Валечка Павловна, вас срочно вызывает Глеб Михайлович! Очень срочно!

— Но ты же видишь, Вика, я провожу экскурсию... неужели он не может подождать?!

— Он рвет и мечет, рвет и мечет! Идите к нему, а экскурсию я закончу вместо вас...

Валентина Павловна обреченно вздохнула и отправилась в кабинет директора, расположенный в административном корпусе, рядом с большой пальмовой оранжереей.

Когда она подходила к директорскому кабинету, оттуда выпорхнула молодая брюнетка в красном платье, с темными, навывкате, глазами и фигурой типа песочные часы. Валентина Павловна уже видела эту особу в коридорах административного корпуса.

Брюнетка проскользила мимо Валентины Павловны, как ветвь, полная плодов и листьев, обдав ее облаком приторного парфюма, и растворилась в полутьме коридора.

Глеб Михайлович, упитанный вальяжный мужчина лет сорока с намечающимися залысинами, поднял глаза на вошедшую женщину и неприязненно проговорил:

— Валентина Павловна, вы меня хорошо знаете.
«Уж это точно», — подумала Валентина Павловна.

Директор был ей малосимпатичен. И дело даже не в том, что он был груб — груб со всеми: со старшими научными сотрудниками, с младшим обслуживающим персоналом, с охранниками и уборщиками.

Нет, разумеется, он не орал и не ругался матом, не топал ногами и не швырял на пол подвернувшиеся под руку канцелярские принадлежности. Он просто разговаривал со всеми таким тоном, который Валентина Павловна считала хамским.

А он считал свой тон исключительно деловым и очень удивился бы, если бы кто-то попытался ему объяснить, что это не так.

Впрочем, никому из сотрудников не приходило такое в голову, тем более Валентине Павловне.

Но грубость можно было бы перетерпеть, если бы директор хоть что-то понимал в своей работе. Но нет, он абсолютно не разбирался не только в сложных и редких экзотических растениях, которыми славится Ботанический сад, но даже не различал самые обычные цветы и кусты.

Валентина Павловна своими ушами слышала, как директор, давая интервью сотрудникам СМИ по поводу какого-то праздника, назвал форзицию яйцевидную чубушником Лемуана!

Злые языки из бухгалтерии, где все всегда знают, говорили, что и получил директор эту должность потому, что у него диплом какого-то сельскохозяйственного института, так что высшее начальство посчитало, что ему вроде бы руководство Ботаническим садом как раз по профилю. Валентина Пав-

ловна такие разговоры не поддерживала, полагая, что нехорошо обсуждать человека за спиной. Но директор был ей несимпатичен, поэтому сейчас не ждала она от него ничего хорошего.

— Вы знаете, что я — человек прямой, — продолжал директор, — и не люблю ходить вокруг да около, так что скажу как есть.

— Я вас слушаю, — сказала Валентина Павловна, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

— Валентина Павловна, мы с вами должны расстаться! — выпалил директор, поставив на стол внушительные кулаки.

— В каком смысле? — пролепетала она.

— В самом прямом. Вы и так уже несколько лет на пенсии, сколько можно? Нужно освободить дорогу молодым!

— Но я работаю в Ботаническом саду уже тридцать... даже тридцать пять лет... — Как ни старалась Валентина Павловна, голос ее предательски дрогнул.

— Вот и я о том же! Тридцать пять лет — это слишком долго, пора и честь знать!

— Но я... но у меня огромный опыт!

— Мы вам очень признательны, но нельзя жить одним прошлым! И это не обсуждается! Я намерен вдохнуть в Ботанический сад новую свежую кровь...

— Влить, — пробормотала Валентина Павловна машинально.

— Что? — Директор удивленно уставился на нее.

— Если кровь, то ее можно влить. Кровь — это жидкость, ее нельзя вдохнуть.

— Что вы несете? Я же говорю, вам давно пора на пенсию! — рявкнул директор как разбуженный не вовремя медведь.

— Но, Глеб Михайлович, сейчас я никак не могу уйти, ведь вот-вот расцветет амарильда морталис...

— У вас все время что-нибудь расцветает! Сегодня маринада моргалис, завтра еще что-нибудь...

— Амарильда морталис! — уныло поправила директора Валентина Павловна.

— Вот именно!

— Это редчайшее событие, оно происходит раз в сто лет...

— Вот именно! Мы должны шагать в ногу со временем, а вы вспоминаете события столетней давности! Вы работаете по старинке! Так нельзя!

— Но ее цветение — это очень серьезное и даже опасное событие, я должна проконтролировать его...

— Незаменимых у нас нет! Ваши методы безнадежно устарели! На ваше место мы уже нашли первоклассного специалиста самой высокой квалификации...

При этих словах директора Валентина Павловна невольно вспомнила фигуристую брюнетку, с которой столкнулась в коридоре.

Не она ли — тот самый первоклассный специалист? Не ее ли директор прочит на место Валентины Павловны?

— Но я несу ответственность... — снова заговорила она. — Если что-нибудь произойдет...

— Нет, уже не несете. С завтрашнего дня вы у нас больше не работаете. Я распорядился в бух-

галтерии, чтобы вам выплатили выходное пособие в размере месячного оклада, но это все, что я могу для вас сделать... На этом все!

— Пойдите! — спохватилась Валентина Павловна. — Но так нельзя! Полагается предупредить за две недели!

— Вот и считайте, что я вас предупредил, но ходить на работу не нужно. Спасибо вам за вашу многолетнюю работу... — Глеб Михайлович поднялся из-за стола, обошел его и протянул руку.

Валентина Павловна растерянно взглянула на эту руку, не понимая, чего ждет от нее директор. Наконец она тоже подняла руку, директор ухватил ее и потряс, после чего деликатно, но недвусмысленно подтолкнул бывшую сотрудницу к двери кабинета.

Валентина Павловна открыла глаза, потому что луч солнца, пробившийся сквозь щель в занавесках, ласково и приветливо тронул ее за щеку. Глаза тут же ослепило, и Валентина Павловна машинально отмахнулась, как будто солнечный луч был живой. Потом закрыла глаза, чтобы ушла мутная пелена. Аккуратно повернулась на бок и снова открыла глаза.

Занавески шевельнулись от ветерка, который проник в комнату, и неугомонный луч снова тронул ее за щеку.

Валентина Павловна наконец осознала, что на дворе позднее утро. Обычно она вставала очень рано, когда солнце еще не могло добраться до ее окна.

Что такое, неужели она проспала? Ей же на работу!

Валентина Павловна рывком села на кровати, и тут комната внезапно закружилась перед ней, так что она вцепилась в прикроватную тумбочку, что стояла рядом.

Через некоторое время комната перестала кружиться, тогда Валентина Павловна попыталась рассмотреть время на настенных часах, что висели напротив. Не увидела и стала шарить по тумбочке в поисках очков, нечаянно задела стакан с водой, вода пролилась на кровать, и когда Валентина Павловна нашла злополучные очки, то оказалось, что и правда уже одиннадцатый час.

Никогда раньше она не спала так долго!

Что делать? Она опоздала на работу, а у нее и так уже очень плохие отношения с директором Варениковым!

Валентина Павловна спустила ноги с кровати, чтобы вскочить, бежать или хотя бы позвонить... но не стала ничего делать.

Потому что вспомнила, что на работу ей не нужно больше торопиться. Вообще не нужно туда ходить. Потому что ее уволили. Точнее, еще не уволили, но через две недели точно уволят. А пока, сказал директор, можете на работу не выходить, мы вам пойдем навстречу и оформим все задним числом.

И при этом улыбнулся, показав зубы. Улыбка у него противная, похожая на оскал.

Валентина Павловна держалась хорошо, ушла с прямой спиной и твердо сжатым ртом, не стала собирать вещи, потому что руки тряслись. Навер-

ное, потому она сумела сохранить лицо, что до нее не дошло сразу, что она потеряла работу.

А ведь работа была для нее всем. У нее не было ни семьи, ни мужа, ни детей, братьев и сестер тоже не было.

Откровенно говоря, она не представляла, как проживет без работы. Она так к ней привыкла!

Неужели она больше не будет приходить в Сад раньше всех, не будет больше задерживаться в оранжерее, не будет ласково разговаривать с растениями, а они не будут тянуться к ней, шелестя, как будто рассказывая о себе?..

Все это нахлынуло на Валентину Павловну уже дома, в квартире. И хорошо, что она сразу выпила свое лекарство, потому что сердце билось, будто она пробежала несколько километров, и в ушах стучало, будто сваи забивают.

Ночью она очень долго не могла уснуть, считала овец, слонов и растения семейства крестоцветных, но это не помогло, так что пришлось снова принимать таблетки, от них голова стала тяжелая и гулкая, как пустой котел, и Валентина Павловна наконец забылась тревожным сном. А потом никак не могла проснуться.

Ну, теперь незачем беспокоиться, она никуда не опоздает, и никто ее не станет ругать.

Валентина Павловна тяжело вздохнула и нащарила ногой тапочки. Нужно взять себя в руки и не давать отрицательным эмоциям ходу. В конце концов, она не больна, голова в порядке, а работа... Что ж, жизнь вечно подсовывает неприятные

сюрпризы, она давно уже не ждет от нее ничего хорошего.

От этой мысли Валентине Павловне не то чтобы полегчало, но голова перестала кружиться, и перед глазами не стояла уже мутная пелена. Нужно принять душ, а потом выпить кофе. Но, проходя мимо кухни, она решила все же начать с кофе. Торопиться ей сейчас некуда, так что времени на все хватит.

Обидно, конечно, что не удалось ей увидеть цветение амарильды морталис.

Цветок смерти расцветает раз в сто лет.

Она так ждала его цветения, проверяла каждый час, бегала в оранжерею, как девочка на свидание. И пыталась объяснить этому мужлану и хаму Вареникову, как для нее важно увидеть это цветение. Но разве он поймет?..

Валентина Павловна в который раз тяжело вздохнула и сосредоточилась на кофе.

Кофеварка была старая и работала плохо, так что Валентина Павловна воспользовалась обычной медной туркой.

Стоя у плиты, она нашла пульт и машинально включила маленький телевизор. Она делала это каждое утро, чтобы узнать прогноз погоды. Сейчас не было в этом необходимости, но руки сами выполняли привычные действия.

Как раз заканчивались новости, и тут...

— Ужасная трагедия случилась сегодня в Ботаническом саду! — заговорила ведущая. — Сотрудники, придя на работу, нашли в оранжерее своего директора мертвым...

Ведущая еще что-то говорила, но Валентина Павловна застыла, глядя на экран телевизора. Она видела вход в Ботанический сад, знакомую оранжерею, растения, стоящие по бокам высоким зеленым коридором... А вот в конце...

Ведущая ткнула микрофон в лицо какому-то мужчине.

Да это же охранник Николай!

Он что-то говорил, но Валентина Павловна видела только, как шевелятся его губы.

Пых! Это кофе сбежал и с шумом вылился на плиту. Руку обожгло болью, и Валентина Павловна пришла в себя.

Сюжет кончился, но она точно знала, что случилось. Надо же, а ведь она могла директора предупредить... Но не стала. Нет ей прощения, ведь человек умер!..

Последнюю мысль она додумывала уже на бегу, наскоро натягивая на себя одежду. Нужно срочно бежать в Сад!

Валентина Павловна не помнила, как она добралась до Сада... кажется, на автобусе... или же бежала всю дорогу. Она жила близко и в хорошую погоду всегда ходила на работу пешком.

Тридцать пять лет...

Ворота Сада были закрыты, висело объявление, что закрыто по техническим причинам.

— Понятно... — пробормотала Валентина Павловна и торопливо пошла вдоль ограды, не пытаясь сунуться в калитку для сотрудников, все равно не пустят. К тому же ей вовсе не нужно было попасть

в административное здание, ей нужно было в тропическую оранжерею. Потому что она точно знала, где все случилось.

Она шла и шла вдоль кованой ограды, потом остановилась напротив старого деревянного здания, которое находилось внутри Сада. Когда-то давно — сто, а может, и больше лет назад — там находились службы, а теперь здание просто стояло без применения, кажется, туда складывали все ненужное.

Валентина Павловна отсчитала от угла четыре прута решетки и осторожно качнула пятый. Так и есть, он легко сдвинулся, и она протиснулась в Сад. Это сделали предприимчивые студенты из находящегося рядом Электротехнического института много лет назад, им лень было тащиться до главного входа, тем более там еще и деньги нужно платить.

Первое время администрация Сада пыталась заделать решетку, но потом отступилась.

Никого не встретив, Валентина Павловна быстро добралась до оранжереи. У входа стояли несколько машин полиции и еще одна машина, про которую Валентина Павловна поняла обостренным чутьем, что это труповозка. Она воспользовалась тем, что полицейский на входе отвернулся, и попыталась проскочить внутрь.

— Гражданочка! — опомнился парень. — Туда посторонним вход запрещен!

— Пустите меня, пустите! — закричала Валентина Павловна. — Это я, я во всем виновата! Это из-за меня он умер!

— Что за шум? — В дверях оранжереи возник коренастый тип, по которому сразу видно было, что он тут старший. — Чего гражданка скандалит?

— Говорит, что она виновата в его смерти...

— Я, я и только я! — подтвердила Валентина Павловна, схватившись за сердце. — Я повела себя безответственно, я непременно должна была его предупредить! А я дала себе волю, пошла на поводу у своей мелкой обиды... Я должна была настоять!

— Так, — сказал коренастый, — вы вообще кто такая? Вы здесь работаете?

— А я Колобкова. — Валентина Павловна остановилась перевести дух. — Колобкова Валентина Павловна, старший научный сотрудник. Я виновата в его смерти!

Тут мимо нее прошли санитары и пронесли на носилках длинный черный мешок из пластика, и Валентина Павловна прижала руку к груди, пытаясь унять расходившееся сердце.

— Так, — снова сказал коренастый многообещающим голосом, — а документы у вас имеются?

Валентина Павловна подала ему пропуск на работу.

— Так, — в который раз сказал он, ознакомившись, — значит, вы, гражданка, утверждаете, что это вы виновны в убийстве гражданина Вареникова Глеба Михайловича?..

— Ну да...

— То есть это вы вошли в оранжерею ночью, пырнули его ножом и оставили умирать?

— Ка... каким ножом? — оторопела Валентина Павловна. — Разве его убили ножом?